
Приѣздъ въ Москву восточныхъ патриарховъ и соборное осужденіе Никона.

Приѣздъ въ Астрахань восточныхъ патриарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антиохійскаго и радость по этому случаю государя. Царская инструкция астраханскому архіепископу Іосифу держать себя относительно патриарховъ осторожно и бережно. Царская инструкция посланнымъ отъ государя сопровождать патриарховъ приставамъ, чтобы они осторожно и незамѣтно разузнали все касающееся патриарховъ и не допускали бы ихъ ни до какихъ сношеній какъ съ Никономъ, такъ и съ кѣмъ бы то ни было. Тайная инструкция боярину Матвѣеву, посланному встрѣтить патриарховъ, незамѣтно разузнать, дѣйствительные ли они патриархи, или отставные? Отписки сопровождавшихъ патриарховъ, какъ послѣдніе ведутъ себя въ пути. Торжественное вступленіе патриарховъ въ Москву и представленіе ихъ государю Предсоборное въ государственной столовой избѣ засѣданіе 7-го ноября въ присутствіи царя и патриарховъ. Второе предсоборное засѣданіе 28 ноября, посланное пригласить Никона явиться въ Москву на соборный судъ. Судебное соборное засѣданіе 1-го декабря въ присутствіи Никона. Второе судебное соборное засѣданіе 3-го декабря, на которомъ Никонъ не присутствовалъ. Третье судебное соборное засѣданіе 5-го декабря, на которомъ присутствовалъ Никонъ и когда ему, въ заключеніе, заявлено было, что онъ за свои вины лишенъ будетъ патриаршаго сана и станетъ простымъ монахомъ Никономъ. Оффиціальное объявленіе Никону 12-го декабря соборнаго опредѣленія о лишеніи его патриаршаго сана и приведеніе въ исполненіе этого соборнаго приговора самими патриархами. Нѣкоторыя общія замѣчанія о личности Никона.

Всѣ усилія царя Алексѣя Михайловича привлечь въ Москву патриарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, или, въ крайнемъ случаѣ, ихъ экзарховъ для соборнаго суда надъ Никономъ и устройства русскихъ церковныхъ дѣлъ, потерпѣли полную неудачу. Патриархи константинопольскій и іерусалимскій самымъ рѣшительнымъ образомъ отказались

и сами ѣхать въ Москву и послать туда своихъ экзарховъ,— они никакъ не хотѣли осужденія грекофила Никона, чего однако добивалось московское правительство. Иначе отнеслись къ дѣлу патріарха александрійскій и антiохійскій, приглашать которыхъ въ Москву отправился грекъ іеродіаконъ Мелетій. Паисій Лигаридъ, въ своемъ сочиненіи о судѣ надъ патріархомъ Никономъ рассказываетъ: „Мелетій прибылъ въ Египеть и совѣщавшись съ Паисіемъ (патріархомъ), послѣ многихъ оборотовъ въ рѣчахъ, достигъ желаемаго. Оттуда прибылъ въ Синайскую гору и убѣдилъ тамошняго архіепископа Ананію медовыми рѣчами явиться въ Московію для личнаго присутствія въ замышляемомъ синодѣ. Макарій антiохійскій медлилъ въ Грузіи для собиранія милостыни, но Мелетій, привлекиши и его, присоединилъ и его къ Паисію александрійскому. И бывшаго трапезундскаго Филоея сопричислилъ къ тому же духовному союзу“. Дѣйствительно, благодаря стараніямъ и уговорамъ іеродіакона Мелетія, въ Москву, чрезъ Грузію, направились два восточныхъ патріарха Паисій александрійскій и Макарій антiохійскій, къ которымъ присоединились: синайскій архіепископъ Ананія и бывшій трапезундскій митрополитъ Филоей. Всѣ они, 21 іюня 1666 года, прибыли въ Астрахань, гдѣ и были, согласно предписанію государя, торжественно встрѣчены астраханскимъ архіепископомъ Іосифомъ и воеводою княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ.

Велика была радость царя Алексѣя Михайловича, когда онъ получилъ донесеніе, что два восточныхъ патріарха, съ своими спутниками, прибыли въ предѣлы Россіи и что такимъ образомъ соборъ въ Москвѣ по дѣлу Никона въ присутствіи восточныхъ патріарховъ, о чемъ такъ долго и усиленно хлопотали, наконецъ состоится. Радостную вѣсть о прибытіи въ Астрахань патріарховъ царь въ особыхъ грамотахъ немедленно поспѣшилъ сообщить митрополитамъ: новгородскому Питириму, крутицкому Павлу, а также рязанскому архіепископу Иларіону и чудовскому архимандриту Іоакиму, причемъ самъ царь редактировалъ эти грамоты, дѣлая въ нихъ собственноручныя поправки и вставки. Въ нихъ Алексѣй Михайловичъ выражаетъ свое восхищеніе по поводу пріѣзда въ Россію восточныхъ патріарховъ: „нынѣ, съ Божіею помощію, пишетъ онъ, рай отверзся, правда

обрѣтѣся, и тѣ два великія свѣтла (т. е. патріархи) явственнo, радостно и дерзостно являються, прославляються и проповѣдаються "... Или, напимѣрь, восхищенный Алексѣи Михайловичъ собственноручно пишетъ: „здѣсь воистинну спасеніе миру і союзу духовному укрѣпленіе, плевельникомъ же и врагомъ сопротивнымъ разсѣяніе, а намъ всѣмъ оживленіе. Благословенъ Богъ нашъ ізволивый тако“. Вмѣстѣ съ патріархами царь прославляетъ и призвавшаго ихъ іеродіакона Мелетія, этаго, по выраженію царской грамоты, „многострадальнаго и первомученика въ таковыхъ страстѣхъ и младаго Засиму, служителя святяя восточныя церкви и вашего сослужбеника, *нашего-жѣ друга и пріятеля*, прешедшихъ море, яко посуху въ мгновеніе ока и обрѣтшихся въ царствующемъ градѣ астраханскомъ іюня въ 23 день“ ¹⁾.

Но восхищеніе и умиленіе предъ путешественнымъ подвигомъ восточныхъ патріарховъ, высказываемое государемъ, не помѣшало однако нашему правительству отнестись къ патріархамъ съ извѣстною осторожностію и даже съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ. Рѣшено было, до ихъ пріѣзда въ Москву и личнаго свиданія съ государемъ, во все время ихъ пути отъ Астрахани, ничего не говорить имъ о томъ дѣлѣ, ради котораго ихъ вызвали въ Москву, и особенно заботились, чтобы до патріарховъ не дошли какія-либо письма или сообщенія отъ Никона и чтобы они сами не посылали какихъ-либо писемъ въ Москву. Когда правительство узнало, что патріархи съ Кавказа придутъ моремъ прежде всего въ Астрахань, оно послало астраханскому архіепископу Іосифу инструкцію, чтобы онъ принялъ и отпустилъ патріарховъ съ подобающею честію и самъ ѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ Москву. Въ то же время въ инструкціи Іосифу говорится: „и будетъ они, патріархи, учнутъ тебя спрашивать, для какихъ дѣлъ къ Москвѣ быть имъ велѣно? И ты бѣ имъ говорилъ, что Астрахань отъ Москвы удалѣла, и для какихъ дѣлъ указано имъ быть, про то ты не вѣдаешь. А чаешь де ты того, что велѣно имъ быть для того: какъ бывшій патріархъ Никонъ съ патріаршества спелъ, и для иныхъ великихъ церковныхъ дѣлъ. А будетъ, что и иное небольшое доведетца съ ними поговорить, и ты бѣ говорилъ, будто отъ кого что слышалъ,

¹⁾ Гиб. II, 914—916. 918

а не собою“. А такъ какъ архіепископъ Іосифъ въ дѣйствительности прекрасно зналъ все о дѣлѣ Никона, ибо онъ присутствовалъ въ Москвѣ на соборѣ 1660 года судившемъ Никона и соборомъ былъ посланъ тогда въ Воскресенскій монастырь къ Никону для переговоровъ съ нимъ, то инструкция предписываетъ ему рѣшительно умолчать предъ патріархами объ этомъ обстоятельстве, а представиться предъ ними ничего незнающимъ, а развѣ кое-что слышавшимъ о дѣлѣ Никона отъ другихъ и вообще, замѣчаетъ инструкция, Іосифу слѣдуетъ „во всемъ быть опасну и бережну“. Точно также инструкция предписываетъ, чтобы Іосифъ приказалъ и всѣмъ сопровождавшимъ его духовнымъ и мірскимъ лицамъ, „чтобы они со святѣйшими вселенскими патріархи и съ людьми, которые съ ними, патріархи, будутъ, о томъ ничего не говорили же, и были во всемъ опасны“.—4-го августа къ патріархамъ посланы были, въ качествѣ приставовъ, полуголовы московскихъ стрѣльцовъ Борисъ Пазухинъ и Лука Изъѣдиновъ, а также подъячій Порфирій Оловениковъ, которому вручена была и казна на расходы патріарховъ въ пути. Приставамъ велѣно было „держатъ къ патріархамъ всякое береженье и учтивость“ и постоянно сопровождать патріарховъ, оказывая имъ въ пути всякія услуги. Но кромѣ обереганья патріарховъ на приставахъ возлагалась еще обязанность: наблюдать за патріархами и за всѣми ихъ спутниками, чтобы они не имѣли съ кѣмъ либо письменныхъ сношеній. Въ инструкціи, правленной рукою государя, говорится: „приказать полуголовамъ Борису Пазухину и Лукѣ Изъѣдинову, чтобы они смотрели и берегли накрѣпко, чтобы къ патріархомъ ни отъ кого ни съ какими письмами никто не подѣзжали, также бы и отъ нихъ, патріарховъ, ни къ кому никакихъ писемъ въ посылкѣ не было, да и Мелетію дякону приказать, чтобы онъ о томъ приказалъ, кто къ нему пріятнѣе и вѣрнѣе, чтобы они того смотрели и берегли накрѣпко“. Но наблюденіемъ надъ патріархами со стороны приставовъ не ограничились, а рѣшились подкупить племянника антиохійскаго патріарха архидиакона Павла, а если можно, то и племянника александрійскаго патріарха, чтобы и они тщательно слѣдили, какъ бы къ патріархамъ не поступило какихъ-либо писемъ, а также бы и отъ нихъ никому не посылались письма, а если къ нимъ и будутъ

прислаться письма, то ихъ обязательно перехватывать и не допуская до патріарховъ, пересылать въ Москву. Въ царской инструкціи говорится: „поговорить дьякону Мелетію, чтобъ онъ поговорилъ антиохійскаго патріарха сыну ево, архидьякону, чтобъ онъ великому государю послужилъ и радѣніе свое показалъ, провѣдываль бы накрѣпко, чтобъ къ патріархомъ ни отъ ково ни съ какими письмами никто не подѣзжалъ, также бы и отъ патріарховъ ни къ кому никакихъ писемъ въ посылкѣ не было, а будетъ про какіе письма провѣдаетъ, и ему бѣ тѣхъ писемъ до патріарховъ не допустить и всякими мѣрами промышлять, чтобъ тѣ письма у тѣхъ людей взять ему, архидьякону, себѣ и прислать къ Москвѣ. А за то ему, архидьякону, дать государева жалованья 30 золотыхъ, будетъ отъ него впрямъ въ томъ чаять промыслу. А будетъ ему, Мелетію, и александрѣйскаго папы и патріарха Киръ Паисѣя племянникъ архидьяконъ вѣренъ, и ему о томъ говорить тайнымъ же обычаемъ и дать ему то жъ, будетъ отъ него чаять промыслу. А для тѣхъ роздать послано сто золотыхъ червонныхъ, а кому сколько тѣхъ золотыхъ и денегъ дастъ, и то велѣтъ писать имянно“ ¹⁾.

13 октября государь назначилъ для встрѣчи патріарховъ, которые уже находились недалеко отъ Владиміра, Артомона Сергѣевича Матвѣева. Съ нимъ царь посылалъ патріархамъ свою привѣтственную грамоту, въ которой писалъ: „ради вашего пречестнаго архіерейскаго достоинства, на стрѣтеніе нашимъ царскаго величества словомъ, послахомъ нашего царскаго величества вѣрнаго человекъ, полковника и хилиарха Артомона Сергѣевича Матвѣева, иже въ духовныхъ обученіяхъ и къ царстей и святительстей чести надлежащихъ гражданскихъ поступкахъ зѣло обрѣтается благоискусень, наказавше ему, да вашу преосвященную вышнему Богу пречестность узрѣвъ, нашимъ царскаго величества повелѣніемъ о вашего преблаженства спасенномъ пребываніи увѣдѣвъ, вашей достойныя чести святыни надлежащій къ нашему царствующему граду путь уготовить“. Въ то же время Матвѣеву дана была государемъ очень характерная инструкція „Да полковнику жъ и головѣ стрѣльцкому Артомену Сергѣевичу, говорить инструкція, опознався съ патріархи и со всѣми

¹⁾ Дѣло патр. Никона, стр. 247—248 Гиб. II. 937—938

людьми, развѣдывать въ разговорехъ у патриаршихъ приказныхъ людей и у иныхъ, у кого мочно: нынѣ они, патриархи, патриаршества свои во Александріи і во Антіохіи держали, и нѣтъ-ли ково на ихъ мѣсто иныхъ патриарховъ, и къ великому государю отъ всѣхъ вселенскихъ патриарховъ есть-ли какой приказъ? А провѣдывать про то въ разговорехъ не явнымъ обычаемъ. Да ему жъ смотрѣть и беречь накрѣпко въ городѣхъ и на станѣхъ: нѣтъ-ли съ ними сверхъ тѣхъ людей, которые съ ними отпущены изъ Астрахани и которыхъ имена даны ему въ росписи подъ наказомъ, и о тыхъ прибылыхъ людей и подсылокъ отъ бывшаго патриарха Никона и отъ казанскаго митрополита, и отъ Микиты Зюзина, и чтобъ хто къ патриархомъ писемъ отъ нихъ какихъ не поднесъ, остерегать того накрѣпко съ большимъ опасеніемъ. А что съ нимъ дорогою ѣдучи патриархи поговорять и что онъ у нихъ провѣдаетъ, и о томъ о всемъ писати къ великому государю къ Москвѣ. А буде гдѣ въ соборѣ (гдѣ патриархи пожелаютъ быть у литургіи) придутъ къ патриархомъ ко благословенію воеводы и приказные и иныхъ чиновъ знатные люди, и тѣхъ людей ко благословенію къ патриархомъ пускать *при себѣ*, а безъ себя никому къ патриархомъ ходить не велѣтъ“¹⁾.

Очевидно въ Москвѣ усиленно заботились о томъ, какъ бы патриархи не вошли, еще на пути въ Москву, въ непосредственныя письменныя сношенія или съ самимъ Никономъ, или его друзьями и сторонниками, смотрящими на дѣло Никона иначе, чѣмъ правительство. Въ Москвѣ хотѣли, чтобъ патриархи все узнали о дѣлѣ Никона только изъ одного источника—отъ самого московскаго правительства и только на основаніи отсюда полученныхъ свѣдѣній составили о немъ свое предварительное представленіе. Въ высшей степени характерно и то обстоятельство, что Матвѣеву поручалось государемъ негласно и незамѣтно разузнать: дѣйствительныя-ли они патриархи и нѣтъ-ли на ихъ каеелрахъ другихъ лицъ? Понятно, что у нашего правительства были свои серьезныя основанія задаваться подобнымъ вопросомъ. Дѣйствительно, еще 11-го іюня, т. е. до пріѣзда патриарховъ въ Астрахань, въ Москвѣ получена была грамота

1) Греческія дѣла 7175 г. № 9

отъ греческаго, проживавшаго въ Кіевѣ, митрополита Іоанникія, въ которой онъ извѣщаль государя, что константинопольскій патріархъ Діонисій смѣненъ, а на его мѣсто поставленъ Парееній, о которомъ говорятъ, что онъ немилосердъ. Про александрійскаго патріарха говорятъ, что онъ будто бы пошелъ къ Москвѣ, за что на него озлобился патріархъ Парееній и хотѣлъ на его мѣсто поставить родосекаго митрополита. Но такъ какъ нѣкто изъ клириковъ сказалъ Пареенію, что александрійскій пошелъ не въ Москву, а къ арабамъ просить милостыни, то отправлены были гонцы разслѣдовать дѣло, и если александрійскій дѣйствительно пошелъ къ Москвѣ, то на его мѣсто будетъ поставленъ другой ¹⁾.

Между тѣмъ патріархи, на пути въ Москву, держали себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно своеобразно и самъ государь скоро убѣдился, что наблюденіе надъ ихъ поведеніемъ дѣло далеко нелишнее. Алексѣй Михайловичъ получилъ извѣстіе, что вселенскіе патріархи везутъ съ собою изъ Астрахани въ Москву двухъ сосланныхъ туда, по указу государя, лицъ: наборщика Ивана Лаврентьева и нѣкоего Ивана Туркина. Это извѣстіе произвело на Алексѣя Михайловича очень тяжелое впечатлѣніе, такъ что онъ рѣшилъ нарочно писать объ этомъ сопровождавшему патріарховъ іеродиакону Мелетію. „Намъ, великому государю, писалъ царь, вѣдомо учинилось, что вселенскіе патріархи везутъ съ собою изъ Астрахани къ Москвѣ печатнаго двора наборщика Ивана Лаврентьева, котораго по нашему, великаго государя, указу велѣно сослать изъ Астрахани на Терекъ за воровство, что онъ, будучи на Москвѣ, на печатномъ дворѣ завелъ латинское воровское согласіе и рымскіе многіе соблазны. Да они жъ де везутъ съ собою къ Москвѣ гостя Васильева челоуѣка Шорина Ивашка Туркина, которой писалъ къ воровскимъ казакомъ воровскіе грамотки, и по тѣмъ ево воровскимъ Ивашковымъ грамоткамъ тѣ казаки нашъ, великаго государя, насадъ и торговыхъ многихъ людей суды и многихъ людей побили до смерти. И тебѣ бѣ (т. е. Мелетію) имъ, вселенскимъ патріархомъ, говорить о томъ, чтобъ они съ нами, великимъ государемъ, не ссорились, тѣхъ воровъ, Ивашка Лаврентьева и Ивашка Туркина, съ собою къ Москвѣ

¹⁾ Греческія дѣла 7174 г. № 68.

не возили, потому что Ивашка Лаврентьевъ воръ и латинщикъ и во святѣй соборной церкви учинилъ было многое смятеніе и всѣмъ православнымъ крестьяномъ соблазнъ. А по Ивашкову письму Туркина учинились многіе смертныя убійства и грабежи; и чтобъ они тѣхъ воровъ отдали въ городѣхъ воеводамъ и велѣли ихъ держать вкрѣпи до нашего великаго государя указу“. Но патріархи все-таки не исполнили требованія государя, а привезли съ собою въ Москву обоихъ ссыльныхъ: Лаврентьева и Туркина, да сверхъ росписи бывшихъ при нихъ лицъ, еще „объявилось 20 человекъ“¹⁾.

Еще менѣе стѣснялись патріархи на пути въ Москву проявлять свою церковную власть, какъ вселенскихъ патріарховъ, относительно лицъ и дѣлъ духовныхъ. Въ своемъ письмѣ къ государю съ Волги, еще до прибытія въ Саратовъ, патріархи заявляютъ, что они призваны государемъ „ко исправленію Христовѣ церкви“. Какъ тогда они понимали эту свою высокую задачу, видно изъ слѣдующаго. Встрѣтить патріарховъ отъ государя и собора посланъ былъ Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря архимандритъ Павелъ. Онъ встрѣтилъ патріарховъ не доѣзжая до Арзамаса и, по исполненіи возложеннаго на него порученія, былъ приглашенъ патріархами къ столу. По окончаніи трапезы, доносилъ въ Москву архимандритъ Павелъ, „патріархи спрашивали меня о крестномъ знаменіи: како-де у васъ православныя крестьяне крестъ воображаютъ на лица своемъ? И язь имъ показаль три перста, сложа во образъ Пресвятые Троицы, а два пригнувъ. И они, воззрѣвъ на небо, вздохнувъ со слезами (сказали): истинно де тако достоинъ крестъ воображати на лица своемъ православнымъ христіанамъ. Потомъ спрашивали: како архіереи благословеніе преподають? И язь имъ такожде, сложа крестъ, показаль. И они благодарствуютъ Бога, что де съ нами въ соединеніе православныя вѣры. Потомъ спрашивали о клобукахъ: какіе де клобуки митрополиты носятъ, и архіепископы и епископы? И язь сказалъ: митрополиты носятъ бѣлые клобуки, архіепископы и епископы черныя. А вы-де, монахи, всѣ-ли носите клобуки и камилавки и рясы греческіе? И язь сказываль:

¹⁾ Гиб. II, 932, 990

что не всё носятъ греческіе. И указали мнѣ ѣхать съ собою до Муромъ“¹⁾.—Вопросы очень характерны для патріарховъ, призванныхъ государемъ „ко исправленію Христовы церкви“.

По существующимъ каноническимъ правиламъ, всегда, всюду и для всѣхъ православныхъ обязательнымъ, ни одинъ епископъ не можетъ дѣйствовать архіерейски въ чужой епархіи, безъ согласія и разрѣшенія мѣстнаго архіерея, тѣмъ болѣе онъ не можетъ творить въ чужой епархіи судъ и расправу надъ мѣстнымъ духовенствомъ. Но ѣхавшіе въ Москву восточные патріархи рѣшительно пренебрегли этимъ кореннымъ и общеизвѣстнымъ каноническимъ правиломъ и, вопреки ему, самовольно, проѣзжая въ Москву, творили надъ мѣстнымъ русскимъ духовенствомъ судъ и расправу, какъ будто проѣзжали по своимъ собственнымъ епархіямъ. Сопровождавшіе патріарховъ приставы, Пазуховъ и Изъѣденовъ, доносили въ Москву государю: „вселенскіе патріархи пришли, государь, изъ Сибирска на Алатырь сентября въ 30 день, а съ Алатыря пошли къ Арзамасу октября во 2 день. А дорогою, государь, идучи святѣйшіе вселенскіе патріархи по городомъ и по селомъ челобитные принимаютъ въ духовныхъ дѣлахъ и розыски чинятъ: и въ Сибирску, государь, протопопа Микифора за ослушанье и за непокоренье о крестномъ знаменіи и за то, что не служитъ по новымъ служебникамъ, остригли и въ тюрьму приказали посадить. Да въ Сибирску жъ, государь, дѣвичья монастыря дьякона остригли за то, что приведенъ былъ ко вселенскимъ патріархомъ того же монастыря съ старицею въ блудномъ дѣлѣ, а старицу приказали держать подъ крѣпкимъ началомъ. Да по Сибирскому, государь, валу города Уреня остригли попа Михайла по челобитью дочери духовной въ блудномъ дѣлѣ и по сыску стороннихъ поповъ и многихъ людей. И иные, государь, духовныя дѣла розыскиваютъ и вершатъ“²⁾.

И нѣкоторыми другими своими заявленіями по дорогѣ въ Москву восточные патріархи вызывали недоумѣнія въ самомъ московскомъ правительствѣ. Такъ въ письмѣ къ царю, еще до своего прибытія въ Саратовъ, патріархи заявляютъ, что такъ какъ они призваны царемъ для исправленія церкви

¹⁾ Дѣло п. Никона, стр. 267

²⁾ Гиб II, 961

Христовой, т. е. русской, „то многія великія дѣла да будутъ готовы до пришествія нашего смиренія“. Въ то же время патріархи заявляютъ государю: „придемъ вскорѣ къ тебѣ, великому государю, для многихъ нашихъ великихъ нужнѣйшихъ дѣлъ, и въ тѣхъ дѣлахъ бѣдствуютъ наши вселенскіе престолы“. Въ другой грамотѣ, отъ 20 августа, патріархи пишутъ государю: „егда бывахомъ въ Астрахани, повелѣхомъ Мелетію отписать къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ, яже бы призвати и бѣлорусскихъ властей въ соборъ: архіереовъ и архимандритовъ и прочихъ, и нынѣ убо второе воспісуемъ, да послано будетъ твое царское повелѣніе до нихъ и да придутъ и тые да будутъ вкупѣ со священнымъ соборомъ“. Въ грамотѣ къ Матвѣеву отъ 24 октября царь пишетъ: „вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что вселенскіе патріархи говорили стольнику нашему Петру Хитрово, чтобъ къ ихъ пріѣзду изготовить судебная палата; и тебѣ бѣ ево, Мелетія, допросить: для своихъ ли имъ дѣла та палата имъ надобна и на томъ ли дворѣ, гдѣ имъ стоять или особо“. Это послѣднее требованіе патріарховъ, заранѣе приготовить въ Москвѣ къ ихъ пріѣзду судебную палату, особенно сильно встревожило наше правительство, недоумѣвавшее: зачѣмъ патріархамъ потребовалась какая-то особая судебная палата? Но особенно сильно это требованіе патріарховъ встревожило Паисія Лигарида, который подумалъ, что патріархи хотятъ судить именно его и потому поспѣшилъ просить защиты у царя. Тревоги оказались напрасными ¹⁾

2-го ноября патріархи прибыли въ Москву, гдѣ имъ устроена была самая торжественная встрѣча въ трехъ мѣстахъ: у Покровскихъ воротъ на Земляномъ валу, на Лобномъ мѣстѣ Красной площади и въ Кремлѣ у Успенскаго собора. Въ этихъ трехъ встрѣчахъ участвовали, по ранѣе составленному церемоніалу, всѣ собравшіеся тогда въ Москву русскіе архіереи, а также жившіе въ Москвѣ греческіе іерархи, великое множество духовенства какъ бѣлаго, такъ и чернаго, причемъ духовенство встрѣчало патріарховъ въ дорогомъ блестящемъ облаченіи, со множествомъ предносимыхъ крестовъ и иконъ, украшенныхъ драгоценными ризами; всюду звонили московскіе колокола. При каждой встрѣчѣ ея пред-

1) Глб II, 928, 930, 959

стоятель: у Покровскихъ воротъ сарскій митрополитъ Павелъ, на Лобномъ мѣстѣ казанскій митрополитъ Лаврентій и у Успенскаго собора новгородскій митрополитъ Питиримъ говорили каждый патріархамъ привѣтственные очень витѣватыя, но въ то же время совершенно безсодержательныя рѣчи. Послѣ торжественныхъ встрѣчъ и рѣчей патріарховъ водворили на приготовленные для нихъ въ Кремль подворья.

4-го ноября патріархи торжественно приняты были государемъ, приглашены имъ къ столу, а 5-го числа снова были у государя и бесѣдовали съ нимъ наединѣ часа четыре. Въ чемъ состояла эта продолжительная бесѣда государя съ патріархами, мы не знаемъ. Вѣроятно въ этой бесѣдѣ самъ государь познакомилъ патріарховъ съ дѣломъ Никона, высказалъ свой взглядъ на то, чего онъ ожидалъ отъ московской дѣятельности патріарховъ и, конечно, постарался узнать отъ нихъ, насколько они согласны дѣйствовать на соборѣ въ духѣ желаній и цѣлей московскаго правительства.

Черезъ день послѣ тайной бесѣды государя съ патріархами, именно 7 го ноября, они приглашены были государемъ въ его столовую избу, гдѣ уже собрались всѣ русскіе іерархи, бояре, окольничіе и думные люди. Государь лично открылъ образовавшееся предсоборное присутствіе и лично изложилъ предъ всѣми дѣло объ отшествіи съ патріаршаго престола Никона. Послѣ этого духовныя власти подали сказки за своими руками, а также ранѣ приготовленные выписки изъ разныхъ правилъ, относившіяся къ дѣлу Никона т. е. ими были представлены всѣ матеріалы, ранѣ собранные и приготовленные по дѣлу Никона и все это было передано патріархамъ, которымъ, для ознакомленія съ матеріаломъ, дано было двадцать дней. Само собою понятно, что патріархи неизбѣжно должны были имѣть при себѣ особыхъ переводчиковъ съ русскаго языка на греческій и такихъ лицъ, которые бы хорошо были знакомы какъ съ дѣломъ Никона, такъ и съ тогдашнимъ положеніемъ русскихъ церковныхъ дѣлъ. Для ознакомленія съ дѣломъ Никона къ патріархамъ спеціально прикомандированъ былъ одноязычный съ ними газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ. Онъ самъ объ этомъ рассказываетъ: „патріархи просили государя придать имъ одноязычнаго съ ними Паисія газскаго, знакомаго съ дѣ-

ломъ о Никонѣ. Государь отвѣчалъ: „имѣйте его отнынѣ при себѣ, отъ него узнаете все подробно“. Какъ Лигаридъ, заклятый врагъ Никона, постоянно стремившійся къ его конечному осужденію и низверженію, исполнилъ возложенное на него порученіе,—хорошо можно видѣть изъ той записки, какую онъ составилъ о Никонѣ и подалъ патріархамъ, въ видахъ ихъ ознакомленія съ дѣломъ Никона. Въ этой докладной запискѣ Лигарида Никонъ обвинялся въ томъ, „что онъ дерзнулъ поставить свой тронъ выше другихъ, сталъ поражать благодѣтелей своихъ и терзать, подобно ехиднѣ, родную мать свою—церковь. Но тотъ, кто смиряетъ надменныхъ, развѣялъ какъ паутину его замысль именоваться патріархомъ и папою(?), нарушая должное почтеніе къ истинному папѣ и патріарху александрійскому, которому принадлежитъ это титуло искони и понинѣ канонически... И іерусалимскаго патріарха оскорбилъ онъ, наименовавъ себя патріархомъ новаго Іерусалима, (ибо онъ безстыдно и невѣжественно назвалъ новую обитель свою новымъ іерусалимомъ) забывая, что Софроній раздѣляетъ Іерусалимъ на древній—христуобійственный и новый—порождающій благочестіе. Никонъ хотѣлъ подчинить себѣ и антиохійскій престолъ(?), гдѣ впервые послышалось названіе христіанъ, стараясь обманчивою подписью(?) быть третьепрестольнымъ. Онъ обидѣлъ вселенскій тронъ захватомъ престола кievскаго, сего первопрестольнаго града равноапостольнаго Владиміра, желая, чтобъ его торжественно поминали такъ: Божіею милостію Никонъ, архіепископъ московскій и всея великія и малыя и бѣлыя Руси патріархъ. Онъ придумалъ, что такъ какъ Александрія вслѣдствіе обстоятельствъ опустѣла и не служитъ болѣе жилищемъ патріарху, и Антиохія тоже распалась, то патріархи александрійскій и антиохійскій незаконно именуется патріархами. Такимъ образомъ онъ по-іудейски прикрѣпляетъ власть къ мѣсту, но благодать Духа не ограничивается мѣстомъ, но всюду свободно расширяется“. Затѣмъ Паисій изображаетъ Никона церковнымъ новаторомъ, которій „поколебалъ уставъ и древнее церковное преданіе“, заявляетъ, что Никонъ былъ рукоположенъ въ другой разъ и потому „никогда не былъ законнымъ патріархомъ“ и т. под. ¹⁾.

¹⁾ Сочиненіе Паисія Лигарида о судѣ надъ Никонѣмъ, ч II, гл II.

Очевидно докладная записка Лигарида, имѣвшая въ виду предварительно ознакомить патріарховъ съ дѣломъ Никона, составлена была крайне тенденціозно и рассчитана на то, чтобы заранѣе настроить и вооружить патріарховъ противъ Никона, показать въ немъ ихъ личнаго врага, покушавшагося отнять у нихъ ихъ достоинство и честь, причемъ Лигаридъ не поскупился относительно Никона и на разныя выдумки и очевидныя несправедливости.

28 ноября въ государевой столовой избѣ собрались: патріархи, всѣ русскіе и греческіе архіереи, архимандриты, игумены, бояре, окольничіе и думные люди. Государь говорилъ собравшимся о самовольномъ оставленіи Никономъ патріаршей кафедрѣ, о томъ, что русская церковь остается безъ верховнаго пастыря уже девятый годъ и просилъ патріарховъ, чтобы они, „святѣйшіе патріархи, учинили о томъ по правиламъ святыхъ апостолъ и по преданію святыхъ отецъ семи вселенскихъ соборовъ и по своему разсмотрѣнію“. На это предложеніе царя патріархи отвѣтили, что по правиламъ св. апостолъ и св. отцовъ вселенскихъ соборовъ слѣдуетъ послать за патріархомъ Никономъ и позвать его на соборъ, на которомъ онъ долженъ дать отчетъ о его самовольномъ отшествіи изъ Москвы и о другихъ церковныхъ винахъ. Рѣшено было немедленно послать къ Никону въ Воскресенскій монастырь звать его на соборъ: псковскаго архіепископа Арсенія, Спасскаго ярославскаго монастыря архимандрита Сергія и архимандрита суздальскаго Спасскаго Евѣиміева монастыря Павла. 29 ноября посланные доносили, что Никонъ, на ихъ приглашеніе немедленно ѣхалъ въ Москву „извѣстія ради всякихъ духовныхъ вещей“, отвѣтилъ имъ такъ: „я-де поставленіе святительства и престолъ патріаршій имѣю не отъ александрійскаго, ни отъ антиохійскаго патріарховъ, но отъ константинопольскаго, а патріархи-де александрійскій и антиохійскій и сами живутъ не во Александріи и не во Антиохіи; александрійскій-де живетъ во Египтѣ, а антиохійскій—въ Дамасцѣ; а если-де александрійскій и антиохійскій патріархи по согласію съ константинопольскимъ и еросалимскимъ пришли въ царствующій градъ Москву для духовныхъ вещей, и какъ-де онъ соберется и въ царствующій градъ Москву придетъ для духовныхъ вещей извѣстія ради, а собранію своему и поѣзду

къ Москвѣ времени не объявилъ“. Этотъ отвѣтъ Никона пять былъ, какъ его отказъ немедленно явиться на соборъ, почему 30 ноября патріархи, въ согласіи съ государемъ, рѣшили еще два раза позвать на соборъ Никона чрезъ особыхъ назначенныхъ для этого двухъ архимандритовъ. А пока тѣ ѣздили къ Никону, собравшіеся у государя въ столовой набѣ патріархи и другіе стали слушать чтеніе свитка, заключавашаго въ себѣ отвѣты четырехъ патріарховъ на царскіе вопросы, ранѣе привезенные съ востока грекомъ іеродіакономъ Мелетіемъ. По прочтеніи свитка патріархи признали заключающіеся въ немъ отвѣты патріарховъ подлинными и въ то же время обратились ко всѣмъ присутствующимъ съ вопросомъ: на основаніи прочитаннаго свитка виновенъ-ли Никонъ въ безпричинномъ и произвольномъ оставленіи имъ патріаршей каедрѣ? На этотъ вопросъ всѣ присутствовавшіе на соборѣ архіереи и другія духовныя лица, а также бояре, окольниковіе и думныя люди, отвѣчали, что по патріаршимъ свиткамъ „бывшій Никонъ патріархъ повиненъ во всемъ и отъ патріаршества имѣетъ быть отлученъ“. Кроме того, присутствовавшіе на засѣданіи архіереи указали патріархамъ на то обстоятельство, что они ранѣе, на своемъ соборѣ, уже изучали и выписывали церковныя правила по отношенію къ дѣлу Никона и пришли къ тому же заключенію, что и патріаршіе свитки. Съ своей стороны государь представилъ патріархамъ челобитную Никона къ государю о рыбныхъ ловляхъ, при чемъ заявилъ: „въ той челобитной написано на него, великаго государя, многіе клятвы и укорины, чего и помыслить страшно; а выписано изъ книгъ приводами, въ которыхъ книгахъ написано на нечестивыхъ царей“. Эту челобитную Никона патріархи взяли къ себѣ.

Такимъ образомъ оказывается, что еще до соборнаго суда надъ Никономъ, дѣло его уже рѣшено было окончательно на предсоборныхъ собраніяхъ, на которыхъ патріархи, архіереи и весь освященный соборъ, т. е. все остальное духовенство, а также бояре, окольниковіе и думныя люди, признали Никона во всемъ виновнымъ и отлученнымъ отъ патріаршества. Послѣ этого самый соборный судъ надъ Никономъ по существу дѣла былъ только простою формальностію и не могъ имѣть вліянія на исходъ предрѣшеннаго суда.

Въ ночь подъ первое декабря Никонъ прибылъ въ Москву.

Предъ своимъ отъѣздомъ Никонъ „исповѣдывался и причащался и масломъ освящался“ т. е. приготовился какъ бы къ смерти.

1-го декабря въ царской столовой избѣ былъ открытъ для суда надъ Никономъ соборъ, на которомъ присутствовали: царь съ своими боярами, окольными и думными, восточные патріархи съ другими греческими архіереями, всѣ русскіе архіереи и другіе духовные члены освященнаго собора.

На соборѣ царь прежде всего поставилъ слѣдующіе вопросы: кого слѣдуетъ послать звать Никона на соборъ? Патріархи отвѣтили, что звать Никона на соборъ долженъ архіерей съ двумя архимандритами. На вопросъ царя: можно-ли допустить, чтобы Никонъ шелъ на соборъ съ преднесеніемъ креста и евангелія, или потребовать отъ него, чтобы онъ шелъ на соборъ „смирненнымъ образомъ“, патріархи отвѣтили, что Никонъ можетъ идти на соборъ съ чѣмъ захочетъ. На вопросъ царя: гдѣ посадить Никона, когда онъ придетъ на соборъ, и что дѣлать, если Никонъ откажется на соборѣ сѣсть, или даже совсѣмъ откажется придти на соборъ? патріархи отвѣтили: что Никонъ долженъ сѣсть, по приходѣ на соборъ, на лавку по правую сторону отъ мѣста государя, а во время вопроса долженъ стоять, если же Никонъ не захочетъ сѣсть, то это его дѣло; а если Никонъ не захочетъ придти на соборъ, то они, святѣйшіе патріархи, „учнутъ ево, Никона, обличать за очи“.

Звать Никона на соборъ посланъ былъ Меѳодій, епископъ мстиславскій, съ двумя архимандритами. Хотя патріархи и разрѣшили Никону идти на соборъ съ преднесеніемъ креста, но Меѳодій, вѣроятно получивъ на это инструкцію, старался уговорить и заставить Никона идти на соборъ безъ преднесенія креста. Но Никонъ, всегда такъ чувствительный къ малѣйшему проявленію своего патріаршаго достоинства, рѣшительно отказался идти на соборъ „смирненнымъ образомъ“ и упрямо настаивалъ на томъ, что онъ пойдетъ съ преднесеніемъ креста. Между Меѳодіемъ и Никономъ произошли объ этомъ долгія пререканія, о которыхъ немедленно докладывалось собору, и послѣдній согласился наконецъ, чтобы Никонъ шелъ съ преднесеніемъ креста. Никонъ сѣлъ въ сани и отправился на соборъ. Проѣзжая мимо Успенскаго собора, гдѣ въ то время совершалась литургія, Никонъ оста-

новился и хотѣлъ было зайти помолиться, но ранѣе открытыя двери собора при его приближеніи немедленно закрылись и онъ не былъ впущенъ въ соборъ. То же самое произошло съ нимъ и предъ Благовѣщенскимъ соборомъ. Около послѣдняго стояли богато украшенныя сани восточныхъ патріарховъ, Никонъ приказалъ и свои очень простыя сани обязательно поставить рядомъ съ патріаршими. Подходя къ залѣ, гдѣ происходили соборныя засѣданія, Никонъ направился было къ открытымъ дверямъ залы. Но какъ только онъ подошелъ къ нимъ двери предъ нимъ немедленно были закрыты и онъ принужденъ былъ стоять предъ ними довольно значительное время. Въ это время въ соборной залѣ обсуждался вопросъ: слѣдуетъ или нѣтъ встать, когда въ залу войдетъ Никонъ? Рѣшили не вставать. Наконецъ Никонъ былъ впущенъ въ соборную залу, а такъ какъ онъ шелъ съ преднесеніемъ креста, то, увидѣвъ крестъ, первый всталъ царь, а за нимъ и всѣ другіе члены собора. Затѣмъ всѣ сѣли на свои мѣста. Для Никона, какъ патріарха, не было приготовлено особаго мѣста и ему предложили патріархи сѣсть на обыкновенную скамью, по правую сторону отъ мѣста государя. Никонъ отказался сѣсть на указываемое ему мѣсто и заявилъ: „мѣста-де я себѣ, гдѣ сидѣть, не вижу, а съ собою мѣста не принесъ, а пришелъ онъ провѣдать, для чего его звали“. Государь видя, что Никонъ не сѣлъ, сошелъ съ своего царскаго мѣста и сталъ у стола, за которымъ сидѣли патріархи. Предъ ними, пришлыми восточными патріархами-милостынесобирателями, какъ предъ своими судьями, стояли теперь, въ качествѣ подсудимыхъ, самъ великій государь царь и московскій патріархъ, ранѣе тоже величавшій себя великимъ государемъ. Начался судъ.

Первый сталъ говорить царь, какъ обвинитель Никона. „Отъ начала де Московскаго государства, началъ свою обличительную рѣчь государь, соборной и апостольской церкви такого безчестія не бывало, какъ учинилъ бывшій патріархъ Никонъ; для своихъ прихотей, самовольно, и безъ нашего царскаго величества повелѣнія и безъ соборнаго совѣту, тоѣ соборную и апостольскую церковь оставилъ и патріаршества отрекся, никѣмъ гонимъ, и отъ того его отшествія многія смуты и мятежи учинились, и соборная апостольская церковь вдовствуетъ безъ пастыря тому нынѣ девятый годъ.“

И то-бъ его, бывшаго патріарха Никона допросить: для чего онъ, бывший патріархъ Никонъ, патріаршій престолъ оставилъ и сшелъ въ Воскресенскій монастырь? На этотъ вопросъ Никонъ отвѣтилъ, что когда, во время пріѣзда къ государю грузинскаго царя Теймураза, окольнічій Хитрово побилъ безпричинно посланнаго имъ, Никономъ, человѣка и онъ просилъ у государя удовлетворенія за оскорбленіе его слуги, то царь не только не далъ удовлетворенія, но пересталъ и на праздники ходить въ церковь туда, гдѣ служилъ Никонъ, и наконецъ прислалъ къ нему князя Ромодановскаго, который отъ имени царя заявилъ Никону, что государь на него гнѣвенъ, зачѣмъ онъ пишется великимъ государемъ и чтобы впредь такъ не писался, „и онъ-де. Никонъ, писался такъ по повелѣнію великаго государя“. И вотъ онъ, слыша о царскомъ гнѣвѣ на него, оставилъ соборную церковь и отправился на свое Воскресенское подворье, гдѣ три дня (?) ожидалъ, что царь пришлетъ за нимъ. Но такъ какъ отъ царя никакой присылки не было, то онъ и уѣхалъ на жительство въ свой Воскресенскій монастырь. На эту рѣчь Никона государь отвѣтилъ, что Хитрово ударилъ патріаршаго человѣка за его невѣжество и то безчестье къ Никону патріарху не относится; а въ два праздника онъ не являлся къ церковнымъ службамъ, которыя совершалъ Никонъ, потому, что задержанъ былъ государственными дѣлами; а къ Никону патріарху онъ, государь, посылалъ князя Трубецкаго и Окольного Стрешнева, чтобы Никонъ возвратился на свой патріаршій престолъ, но онъ-де имъ отказалъ. На вопросъ патріарховъ: какія Никону были обиды отъ государя? онъ отвѣчалъ, что обидъ ему отъ царя не было, но царь на него началъ гнѣваться и не сталъ ходить въ церковь, почему онъ, Никонъ, и оставилъ патріаршество.—Патріархи говорили, что Никонъ, оставляя патріаршій престолъ, отрекся самаго патріаршества и публично заявилъ, что если онъ впредь захочетъ быть патріархомъ, то да будетъ анаема. Никонъ на это возразилъ, что онъ патріаршества не отрекся, такъ какъ взялъ съ собою архіерейскую мантию: „то-де на меня затѣяли“.

Послѣ этого царь предъявилъ противъ Никона слѣдующее обвиненіе: „бывшій патріархъ Никонъ писалъ въ грамотахъ своихъ къ нимъ, святѣйшимъ патріархомъ, на него, госу-

даря, многія безчестья и укоризны, а онъ, великій государь, на него, бывшаго патріарха, къ нимъ, святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ, на него, Никона, никакаго безчестія и укоризны не писывалъ, и чтобъ его, Никона, допросить: все-ли онъ истину, безъ всякаго прилога, въ грамотахъ своихъ къ святѣйшимъ патріархомъ писалъ, и за церковные-ли догматы онъ стоялъ, и Іосифа патріарха за святѣйшаго и братомъ себѣ почитаетъ-ли, и церковныя движимыя и недвижимыя вещи продавалъ-ли?“ На это Никонъ отвѣтилъ: „что-де въ грамотахъ писано, то и писано, а стоялъ-де онъ за церковные догматы, а Іосифа патріарха почитаетъ онъ за патріарха, а святъ-ли онъ, того не вѣдаетъ, а церковныя вещи продавалъ онъ по государеву указу“.

По повелѣнію государя начали читать грамоту Никона къ константинопольскому патріарху Діонисію. Когда прочли то мѣсто грамоты, что онъ, Никонъ, посыланъ былъ въ Соловецкій монастырь за мощами святаго митрополита Филиппа, „его же мучи царь Иванъ несправедно“, то возмущенный этимъ Алексѣй Михайловичъ говорилъ: „для чего онъ, Никонъ, такое безчестіе и укоризну блаженные памяти великому государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руссіи написалъ?“ и сталъ далѣе говорить, что о себѣ Никонъ утаилъ, какъ онъ единолично, безъ собора извергъ епископа Павла Коломенскаго, „ободралъ съ него святительскія одежды“ и заточилъ его въ Хутынской монастырь, гдѣ онъ пропалъ безвѣстно, и потому пусть допросятъ Никона: „по которымъ правиломъ то онъ учинилъ?“ Никонъ относительно укоризнъ на царя Ивана Васильевича промолчалъ, а относительно Павла коломенскаго замѣтилъ, что не помнитъ по какимъ правиламъ низвергъ его, „а есть-де о томъ на патріаршемъ дворѣ дѣло“.

Такъ какъ въ грамотѣ Никона къ константинопольскому патріарху написано про великаго государя „многое безчестье и укоризны и будто (государь) учалъ вступатца во архіерейскія дѣла“, то царь проситъ патріарховъ допросить Никона. „въ какія архіерейскія дѣла онъ, великій государь, вступаетца?“ Никонъ на это отвѣтилъ, „что де онъ писалъ, того не помнитъ“. А такъ какъ Никонъ въ грамотѣ къ Діонисію заявлялъ, что онъ оставилъ престоль ради гнѣва государя

и отправившись въ Воскресенскій монастырь ничего не взявъ съ собою, то государь проситъ патріарховъ допросить Никона: „какой гнѣвъ и обида, и чтобъ съ престола сшелъ. отъ него, великаго государя, ему, Никону, присылка была-ли?“ Никонъ долженъ былъ сознаться, что присылки ему отъ государя объ оставленіи престола дѣйствительно не было, но гнѣвъ на него государя сказанъ въ томъ, что онъ не далъ ему удовлетворенія за оскорбленіе его человѣка окольничимъ Хитрово. Присутствовавшій на соборѣ Хитрово заявилъ, что когда онъ ударилъ палкою человѣка Никона, онъ вовсе тогда не зналъ, что это человѣкъ патріарха и что послѣ онъ просилъ прощенія у Никона за свой проступокъ и Никонъ его простилъ. Всѣ присутствовавшія на соборѣ духовныя и мірскія лица единодушно заявили патріархамъ, что Никонъ оставилъ патріаршество „не отъ обиды, а съ сердца“. Освященный соборъ кромѣ того заявилъ, что Никонъ говоритъ неправду, будто онъ, отправляясь изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, ничего не взялъ съ собою; въ дѣйствительности, „какъ онъ поѣхалъ съ подворья въ Воскресенской монастырь, и за нимъ повезли его люди сундуки многіе съ рухлядью; да къ нему же отослано изъ патріарши казны денегъ 2000 рублевъ“.

Въ грамотѣ къ патріарху Діонисію Никонъ писалъ объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича и объ учрежденномъ имъ Монастырскомъ приказѣ „съ великимъ безчестіемъ и укоризною, и будто его (Никона) за то, что онъ говорилъ, что тоѣ книгу (Уложеніе) искоренить, хотѣли убить“. По этому поводу царь говорилъ, что къ Уложенію приложили свои руки: патріархъ Іосифъ, митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ, „и твоя-де, Никонова, рука, говорилъ царь, къ той книгѣ приложена, какъ ты былъ въ архимандритахъ, и для чего онъ при себѣ, какъ былъ на патріаршествахъ, тое книгу не исправилъ, и кто его за тое книгу хотѣлъ убить?“ На все это Никонъ нашелся только сказать: „что онъ къ той книгѣ руку приложилъ вневолѣ“ и больше ничего не сказалъ.

Въ грамотѣ Никона къ патріарху Діонисію было написано, „будто государь посылалъ къ великимъ патріархамъ многіе дары“, конечно съ цѣлю дарами побудить ихъ дѣйствовать въ дѣлѣ Никона такъ, какъ того желаетъ царь. На это го-

сударь заявилъ, что онъ даровъ къ патріархамъ не посылалъ, а только грамотами приглашалъ ихъ въ Москву „для умирения церкви“. А вотъ-де Никонъ дѣйствительно, заявлялъ царь, „посылалъ къ вселенскимъ патріархамъ съ грамотами племянника своего и отъ того далъ Черкашенину многіе золотые“. Никонъ заявилъ, что онъ къ патріархамъ никакихъ золотыхъ не посылалъ.

Въ грамотѣ Никона къ патріарху Діонисію говорилось о ссылкѣ государемъ Зюзина и о смерти по этому случаю его жены. По поводу этого обвиненія Никона царь говорилъ, что Зюзинъ за свою вину—призывъ Никона въ Москву безъ повелѣнія государя, достоинъ былъ смертной казни и что жена Зюзина внезапно умерла благодаря Никону, который, никѣмъ не побуждаемый, самъ прислалъ государю всѣ письма къ нему Зюзина. На это обвиненіе въ непохвальной выдачѣ своего друга и доброжелателя Зюзина, послѣдствіемъ чего была внезапная смерть перепугавшейся жены Зюзина, Никонъ нашелся только сказать: „Никитины (Зюзина) письма прислалъ онъ къ великому государю *оправливая себя*“.

Никонъ писалъ константинопольскому патріарху, что латинникъ—газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, предсѣдательствовалъ въ Москвѣ на соборѣ и по его благословенію митрополиты переводились съ одной кафедры на другую, а также взовъ поставлялись русскіе архіереи, „и отъ сего-де беззаконнаго собору преста на Руси соединеніе святыхъ восточныхъ церкви и отъ благословенія вашего (т. е. восточныхъ патріарховъ) отлучишася, но отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяша волями своими“. По поводу этого тяжкаго обвиненія Никономъ всей русской церкви государь заявилъ, „что бывший Никонъ патріархъ такіе великіе укоризны и неправды, забывъ страхъ Божій и праведный Его судъ, писалъ о томъ ко святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ ложно, и тѣмъ соборную и апостольскую церковь и святую православную христіанскую вѣру опорочилъ, и его, великаго государя, и весь освященный соборъ, и его царскаго величества снѣклять, и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ благочестивые вѣры и отъ благословенія святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ отчелъ и къ римскимъ костеламъ и къ католицкой вѣрѣ причелъ, и назвалъ всѣхъ еретиками, и только бѣ то ево письмо дошло до вселенскихъ святѣйшихъ

патріарховъ, и потому бѣ де его затѣйному и ложному письму всѣмъ православнымъ христіаномъ быти подъ клятвою, и за то де его ложное и затѣйное письмо надобно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститись“. Затѣмъ государь, вмѣстѣ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими и думными людьми, обратившись къ патріархамъ, всѣ вмѣстѣ „били имъ челомъ, чтобъ бывшаго Никона патріарха допросить: для чего онъ такъ писалъ и ихъ всѣхъ еретиками назвалъ?“

„И святѣйшіе патріархи бывшаго патріарха Никона допрашивали: чѣмъ отъ соборныя церкви отлучились?“

„И Никонъ сказалъ: отлучились-де отъ соборныя церкви и отъ благословенія святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ для того, что газскій митрополитъ Паисѣй Пятирима митрополита перевелъ отъ митрополіи въ другую митрополію, а на его мѣсто поставилъ иного митрополита, да и иныхъ-де архіереевъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ же, а ему-де того дѣлать не довелось, потому что онъ отъ ерссалимскаго патріарха отлученъ и проклятъ. А хотя бѣ де онъ, газской митрополитъ, и не еретикъ былъ, и ему-де на Москвѣ долго быти не для чего, я де его за митрополита не ставлю, у него-де и ставленныя грамоты на свидѣтельство нѣтъ, и мужикъ-де наложить на себя мантию, и онъ-де таковъ же митрополитъ,—то-де онъ писалъ все про него, газскаго митрополита, а не о православныхъ христіанехъ“.

„И великій государь, и весь освященный, и его царскаго величества синклитъ говорили святѣйшимъ патріархамъ, что бывшей Никонъ патріархъ писалъ и назвалъ *всѣхъ ихъ еретиками*, а не одного газскаго митрополита, и чтобъ въ томъ учинили указъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ“.

„И бывшей Никонъ патріархъ говорилъ великому государю: только бѣ де ты Бога боялся, и ты бѣ де не такъ надо мною дѣлалъ“.

Никонъ обвинялъ предъ константинопольскимъ патріархомъ государя въ томъ, что теперь на Москвѣ во всякій церковный чинъ ставятъ и хиротонисаютъ всѣхъ по указу государя, по его же указу собираютъ соборы, судятъ духовныхъ, осуждаютъ и отлучаютъ т. е. что все церковное управленіе теперь находится исключительно въ рукахъ государя.

Царь на это обвиненіе Никона отвѣтилъ, что такъ и всегда ранѣе дѣлалось во время междупатріашества.

Никонъ обвинялъ государя предъ константинопольскимъ патріархомъ, „что будто великій государь изъ патріарши казны емлетъ на свои протори, а съ митрополичьихъ и съ архіепископлихъ и съ монастырей емлетъ на службу людей и деньги и хлѣбъ немилостиво“. На это обвиненіе царь отвѣтилъ, что если что взято изъ патріаршей казны, то взято займы, что со властей и монастырей брались даточные люди, деньги и хлѣбъ по примѣру прежнихъ лѣтъ, какъ велось изстари. При этомъ государь замѣтилъ: „а онъ де, Никонъ патріархъ, къ строеню новаго Воскресенскаго монастыря ималъ изъ домовые казны многіе деньги, которые собраны были со властей и монастырей вмѣсто даточныхъ, да онъ же ималъ со властей и съ монастырей многіе подводы самовольствомъ“.—„И бывшій Никонъ патріархъ въ томъ во всемъ заперся“.—„И митрополиты и архіепископы его, Никона патріарха, уличали и говорили: которые-де деньги за даточныхъ съ нихъ собираемы и тѣ-де деньги онъ, Никонъ патріархъ, для строеня Воскресенскаго монастыря (бралъ) и собирая съ нихъ подводы посылалъ въ Воскресенскій монастырь безъ государева указа, самовольствомъ“.

Прочитаны были на соборѣ изъ грамоты Никона къ константинопольскому патріарху и нѣсколько другихъ болѣе мелкихъ обвиненій, какія Никонъ возводилъ предъ патріархомъ на разныхъ лицъ. Напримѣръ: въ Москвѣ поставили Мееодія епископомъ въ Кіевъ, чего дѣлать не имѣли права, такъ какъ кіевская митрополія находится подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха; митрополитъ Питиримъ незаконно становился на патріаршее мѣсто, чего дѣлать ему, только митрополиту, не подобало; Стрешневъ будто бы называлъ собаку Никономъ и обучилъ ее передними ногами благословлять по патріаршески, за что Никонъ и проклялъ Стрешневъ. По поводу послѣдняго обвиненія архіереи заявили, „что онъ, Никонъ, боярина Семена Лукьяновича (Стрешнева) проклялъ напрасно, безъ собору“...—„И святѣйшіе патріархи велѣли бывшему Никоцу патріарху итти на подворьѣ“. Такъ кончилось первое соборное засѣданіе, судившее патріарха Никона.

3-го декабря въ государственной столовой избѣ состоялось

второе соборное засѣданіе по дѣлу Никона. На немъ присутствовали: царь, восточные патріархи, бывшіе въ Москвѣ греческіе архіереи и всѣ русскіе іерархи съ освященнымъ соборомъ, а также бояре, окольничіе и думные люди. Никонъ не былъ приглашенъ на это засѣданіе. Царь въ своей рѣчи, а за нимъ наши іерархи и весь освященный соборъ били патріархамъ челомъ на бывшаго патріарха Никона, что онъ, ссорясь съ газскимъ митрополитомъ, въ своей грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію писалъ, что будто бы всѣ русскіе, начиная съ самаго царя, оставили православіе и соединились съ латинствомъ, почему царь и всѣ прочіе просятъ патріарховъ, чтобы они по этому дѣлу „учинили разсужденіе“ по правиламъ св. апостоль и св. отецъ, и чтобы они отъ такого обвиненія великаго государя, освященный соборъ, царскій синклитъ и всѣхъ православныхъ русскихъ „очистили“.—„И изговори рѣчь великій государь и освященный соборъ и синклитъ святѣйшимъ патріархомъ *поклонились до земли*“. На эту такъ смиренно-необычно выраженную просьбу царя, освященнаго собора и царскаго синклита, восточные патріархи отвѣтили, что „то дѣло великое“, что „за то де надобно стоять крѣпко“, тѣмъ болѣе, что Никонъ назвалъ „еретиками“ не только государя, освященный соборъ, царскій синклитъ и всѣхъ православныхъ русскихъ, но и ихъ патріарховъ,—„какъ будто мы пришли еретиковъ разсуждать“, а между тѣмъ здѣсь—на Москвѣ они видятъ истинную православную вѣру и потому Никона за клевету будутъ судить, а всѣхъ православныхъ оборонять по правиламъ св. апостоль и св. отецъ.

Послѣ этого патріархамъ вручены были грамоты, въ которыхъ Никонъ самъ писалъ себя—„бывшій патріархъ“, а также прочтены были грамоты государя, приглашавшія патріарховъ въ Москву, причемъ государь замѣтилъ, что изъ прочтенныхъ грамотъ видно, что онъ, государь, „на бывшаго Никона патріарха къ нимъ, святѣйшимъ патріархомъ, никакихъ укорительныхъ словъ не писывалъ, про то имъ самимъ вѣдомо, а на него де, великаго государя, бывшей Никонъ патріархъ писалъ къ константинопольскому патріарху многіе безчестные и укорительные слова и причель къ римскому костелу“. На это патріархи замѣтили, что Никонъ такъ писалъ „чаючи, что и всѣ таковы, какъ онъ самъ“,—и заявили.

что такъ какъ Никонъ „объявился во многихъ лжахъ“, то ему ни въ чемъ не слѣдуетъ болѣе вѣрить и они будутъ судить Никона по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ.

Возвратились къ факту произвольнаго оставленія Никонъ патріаршаго престола единственно потому, что окольничій Хитрово ударилъ его человекъ палкою. Патріархи по этому поводу разсудили, что человекъ Никона былъ имъ посланъ на Красное крыльцо во время обѣда въ честь царевича Теймураза, „чтобъ смуту учинить. А въ градскихъ де законахъ написано: кто межъ царемъ учинитъ смуту, и тотъ достоинъ смерти. А кто де его, Никонова человекъ, ударилъ и того Богъ проститъ, потому что подобаетъ такъ быть (?)“. Но такимъ разсужденіемъ патріархи не ограничились. „И вставъ, антиохійскій патріархъ осенялъ окольничево и оружничево Богдана Матвѣевича Хитрово“. Въ благодарность за такую патріаршую милость, Хитрово билъ антиохійскому патріарху челомъ. Старавшійся выслужиться предъ русскимъ правительствомъ антиохійскій патріархъ Макарій не ограничился однако благословеніемъ Хитрово за его палочную расправу съ человекомъ Никона, но и самъ жаловался на Никона, что его пушкинскіе крестьяне побили сербскаго архіепископа Гавріила, и не смотря на личное ходатайство по этому дѣлу его, антиохійскаго патріарха, Никонъ не далъ никакого удовлетворенія. Затѣмъ Макарій показывалъ, что Никонъ при немъ въ алтарѣ снялъ митру съ одного русскаго архіерея и всячески бранилъ его, и особенно жаловался на то, что Никонъ, вопреки указаніямъ и настояніямъ его, антиохійскаго патріарха, въ день Богоявленія совершалъ хожденіе на Іорданъ только одинъ разъ—въ навечеріе праздника, а не два раза т. е. въ навечеріе и въ самый праздникъ.—Этимъ и закончилось соборное засѣданіе 3 го декабря.

Н. Кантеревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
